

Идиллія Бѣлаго Лотоса.

Мабель Коллинзъ.

КНИГА II.

Глава IV.

Я могъ видѣть толпу людей справа и слѣва отъ себя; на нихъ падалъ свѣтъ, который они не замѣчали. Это не былъ свѣтъ звѣздъ, этотъ свѣтъ исходилъ не изъ небесъ, а изъ моихъ собственныхъ глазъ. Я видѣлъ ихъ сердца—я не видѣлъ ихъ тѣлесной формы, но ихъ самихъ. Я узнавалъ своихъ слугъ и моя душа окрылилась, когда я убѣдился, что почти вся эта толпа была готова служить мнѣ. Эта моя армія была достойна меня; она будетъ слушаться не изъ чувства долга, а по влеченію своихъ желаній.

Я различалъ въ каждомъ сердцѣ какого рода голодь снѣдать его, и я узналъ, что смогу утишить этотъ голодь. Въ теченіе цѣлой длинной минуты я оставался видимымъ; а затѣмъ я обратился къ моимъ избраннымъ слугамъ. Я велѣлъ имъ приблизиться къ берегу; ибо теперь, когда я болѣе не стремился стать видимымъ для всѣхъ этихъ слѣпыхъ человѣческихъ глазъ, я могъ соприкасаться и говорить съ тѣми, кого самъ выберу. Полная силы жизнь молодого жреца оказалась достаточной, чтобы на нѣкоторое время поддерживать свѣтильню физической силы, если я только не заставлю ее горѣть слишкомъ быстро.

Когда барка приблизилась,—я вышелъ на берегъ и сталъ подвигаться среди толпы, наклоняясь къ уху каждаго и открывая ему тайну его сердца. Болѣе того,—я сообщалъ каждому, какъ овладѣть тѣмъ, о чемъ онъ думалъ въ тайникахъ своей души. Не было среди толпы ни одного мужчины и ни одной женщины безъ тайнаго вождельнiя, въ которомъ ему или ей не было бы стыдно признаться даже на исповѣди. Но я видѣлъ это тайное вождельнiе и гасилъ въ нихъ стыдъ и показывалъ имъ какое небольшое усилiе воли и какое ничтожное знанiе нужно для начала самоудовлетворенiя.

Я проходилъ мимо людей по всѣмъ направленiямъ и когда я удалялся, сзади меня оставалась возбужденная, почти обезумѣвшая толпа. Подъ конецъ опьяненiе, производимое моимъ присутствiемъ, не могло болѣе слерживаться въ берегахъ. Оно прорвалось и весь народъ какъ одинъ человѣкъ запѣлъ дикую пѣсню, отъ которой закипѣла вся моя кровь, разгораясь огнемъ внутри меня. Не слыхалъ ли я ту же пѣсню подъ другими небесами, пропѣтую голосами и нарѣчiями всѣхъ народовъ? Не слыхалъ ли я ее отъ тѣхъ народовъ, которые давно уже угасли и преданы забвенiю? И не услышу ли я ее отъ тѣхъ, чье мѣстопробыванiе даже еще не создано до сихъ поръ? Это—*моя* пѣснь! Она даетъ мнѣ жизнь! Безмолвно произнесенная въ сердцѣ, она—крикъ невыраженной страсти, скрытаго безумiя самости. Когда она вырывается изъ горла толпы, стыду наступаетъ конецъ и нѣтъ больше тайны. Тогда она становится бѣшеннымъ выраженiемъ оргiи, громкимъ бредомъ поклонниковъ плотскихъ наслажденiй.

Мое дѣло было кончено. Я зажегъ великiй огонь, который забушевалъ неудержимо, какъ пожаръ бушуетъ въ лѣсу. Я вернулся къ священной баркѣ, въ которой жрецы ожидали меня. Неподвижно ожидая, стояли эти мои избранные слуги, первосвященники моего храма. О, эти могучiе владыки страстей! Эти цари сладострастiя! Эти монархи вождельнiя!

А молодой жрецъ—развѣ онъ все еще тамъ? Все также похожiй на мертвеца? Да, онъ лежалъ неподвижный и блѣдный въ серединѣ круга, составленнаго первосвященниками, у самыхъ ногъ Агдада, который одинъ стоялъ возлѣ него.

Когда эта мысль блеснула въ моемъ умѣ, мнѣ показалось, что какимъ-то таинственнымъ образомъ я былъ извлеченъ изъ того океана страстей, въ который невѣдомая сила погрузила меня. Ко мнѣ вернулось мое прежнее я—и я зналъ, что я уже не та мрачная богиня, что я былъ только поглощенъ ею, какъ

бы высосанъ захватившей меня силою. А теперь я опять отдѣлился отъ нея. Но я не вернулся въ ту блѣдную форму, которая такъ безжизненно лежала на палубѣ священной барки. Я очутился въ храмѣ; меня окружала полная темнота; я зналъ, что нахожусь въ Святой Святыхъ.

Но вотъ появился легкій свѣтъ. Я сталъ смотрѣть на него и внезапно внутренняя ниша наполнилась яркимъ сіяніемъ и среди этого сіянія стояла она, сама Владычица Лотоса.

Я находился у дверей, ведущихъ во внутреннюю нишу, со всѣмъ близко отъ нея, въ полѣ ея зрѣнія. Я пробовалъ ускользнуть—пробовалъ повернуть назадъ—и не могъ. Я дрожалъ, какъ еще никогда не дрожалъ ни передъ какимъ испытаннымъ ужасомъ.

Ибо она стояла безмолвно съ очами, устремленными на меня. И я видѣлъ, что они были полны великаго гнѣва. И та, которая была всегда для меня нѣжнымъ другомъ, кроткимъ, какъ самая любящая мать, теперь стояла передо мной во всемъ своемъ величій и я зналъ, что прогнѣвилъ божество, наиболѣе страшное изъ всѣхъ, которыя извѣстны людямъ.

„Неужели только для того, о Сенса, возлюбленный боговъ, былъ ты рожденъ на землѣ? Только для *этого* раскрылись твои очи и чувства твои были одарены прозрѣніемъ? Ты знаешь, что не для того; ибо эти видящія очи и эти тонкія чувства служили повелителю—ты знаешь теперь какому и знаешь для чего ты служилъ. Хочешь ты быть ея слугою на вѣкъ? Теперь, когда ты вступишь въ полный возрастъ, избирай самъ! Паль ли ты такъ глубоко, что хочешь остаться рабомъ навсегда? Если да—то удались! Ибо я пришла очистить мое святилище. Я не хочу болѣе терпѣть. Святилище мое будетъ безмолвно, и пусть лучше народъ не будетъ знать никакихъ боговъ, чѣмъ будетъ оставленъ въ заблужденіи и подверженъ искушенію отъ силы тьмы. Удались! Никто болѣе не войдетъ сюда. Я закрываю дверь! Святилище останется нѣмо и не раздастся въ немъ ни единого голоса. Я останусь здѣсь въ одиночествѣ и безмолвіи; да, пройдутъ вѣка и я не произнесу ни одного звука, и народъ будетъ думать, что я умерла. Да будетъ такъ! Въ грядущемъ мои дѣти возстанутъ снова и тьма разсѣется. Удались! Ты избралъ свою долю. Твое наслѣдіе потеряно. Покинь мое святилище!“

Она подняла руку и жестомъ приказывала мнѣ удалиться. Онъ былъ такъ непреодолимо повелителенъ, что я не могъ не повиноваться. Я повернулся, низко опутивъ голову, и пошелъ

съ глубокой скорбью къ входной двери святилища. Но я не могъ открыть ея, я не могъ выйти; и не могъ подвигаться впередъ. Мое сердце сжалось въ страшной тоскѣ и заставило меня повернуть назадъ. Я упалъ на колѣни и воскликнулъ въ смертельной агоніи: „О моя Мать! Царица и Мать моя!“

Мгновеніе прошло въ страшномъ молчаніи. Я ожидалъ, самъ не зная чего. Моя душа погрузилась въ безнадежное отчаяніе. Страшныя воспоминанія пронеслись предо мной въ темнотѣ и безмолвіи святилища. Я увидалъ въ прошломъ не только радости, но и мои дѣла. Я понялъ, что свершалъ ихъ въ слѣпотѣ, поддаваясь ихъ опьяняющему дѣйствию, какъ люди поддаются дѣйствию вина. И я дѣлалъ всѣ задачи, поручавшія мнѣ, въ такомъ состояніи, не думая о нихъ, а только о тѣхъ наградахъ, о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя манили меня. Я былъ ея рабомъ, оракуломъ той черной души, которую я отнынѣ позналъ. И тогда все пережитое предстало передо мной въ такой яркости и въ такомъ ужасѣ, съ такой потрясающей угрозой, что изъ груди моей снова вырвался крикъ: О, моя Мать, спаси меня!

И тогда я почувствовалъ прикосновеніе на своей рукѣ и на лицѣ, и въ ушахъ моихъ и въ моемъ сердцѣ раздался голосъ: „Ты спасенъ. Будь силенъ“. Яркій свѣтъ упалъ на мои глаза, но я не могъ видѣть, ибо потокъ слезъ смылъ съ нихъ то ужасающее видѣніе, которое только что пронеслось передо мной.

Глава V.

Я не былъ болѣе въ святилищѣ. Я почувствовалъ дуновеніе свѣжаго воздуха на своемъ лицѣ. Я открылъ глаза и увидалъ надъ собою небо и мерцающія звѣзды въ его глубинѣ. Я лежалъ распростертый на землѣ и испытывалъ странную усталость. Но вскорѣ я былъ пробужденъ звукомъ тысячи голосовъ, поющихъ и кричащихъ невдалекѣ отъ меня. Что бы это могло быть?

Я поднялъ голову. Я былъ въ серединѣ круга, составленнаго десятью первосвященниками. Агмадъ стоялъ около меня и пристально наблюдалъ за мной. Я не могъ оторваться отъ его лица. Безжалостный, беспощадный и бездушный! Боялся я его? Это изваяніе, это нечеловѣческое существо. Нѣтъ я больше не боялся его. Я посмотрѣлъ кругомъ на окружавшихъ насъ жре-

цовъ. Я читалъ на ихъ лицахъ; всѣ они были погружены въ себя. Каждый изъ нихъ былъ пожираемъ глубоко затаеннымъ желаніемъ, всѣхъ ихъ снѣдала жажда удовольствіенія, которую они лелѣяли у своего сердца, какъ ядовитую змѣю. Нѣтъ, я не могъ болѣе бояться этихъ людей. Я видѣлъ Свѣтъ. Я былъ силенъ.

Я поднялся на ноги. Я смотрѣлъ кругомъ на несмѣтныя толпы, видѣвшіяся на берегахъ рѣки подъ звѣзднымъ небомъ, и тогда мнѣ стали понятны странные голоса, которые я слышалъ передъ тѣмъ. Народъ обезумѣлъ; нѣкоторые отъ вина, нѣкоторые отъ любви, а нѣкоторые отъ настоящаго бѣснованія. Множество маленькихъ лодокъ пересѣкало воду; онѣ подплывали, чтобы принести дары своей богинѣ, которую они обоготворяли, а въ эту ночь сами видѣли, слышали и осязали. Священная барка, на палубѣ которой я стоялъ, была отягощена и нагружена приношеніями народа; они бросали свои дары изъ своихъ плоскихъ лодокъ и изъ паромовъ, окружившихъ барку. Золото и серебро, драгоценные камни, золотые кубки, сверкающіе драгоценной инкрустаціей. Агмадъ смотрѣлъ на эти вещи и я видѣлъ, какъ улыбка заиграла на его губахъ. Эти богатства могли прокормить храмъ. Но для него самого нужны были не такія драгоценности.

Въ это мгновеніе неожиданно для меня самого заговорила моя душа. Я не могъ больше молчать. Я заговорилъ громкимъ голосомъ, приказавъ народу слушать меня. И немедленно все затихло и тишина росла, пока не распространилась на всѣ окружающія толпы.

— Слушайте вы всѣ, поклоняющіеся своей богинѣ. Какой богинѣ поклоняетесь вы? Неужели вы не поняли ее по тѣмъ словамъ, которыя она шептала внутри вашихъ сердець? Загляните въ сердца свои и если она проггла ихъ ненасытнымъ огнемъ страсти, знайте, что она не истинное божество! Ибо истина только въ мудрости. Слушайте и я скажу вамъ тѣ слова, которыя были произнесены въ истинномъ святилищѣ, внушены духомъ свѣта нашей свѣтлой Царицы Матери. Знайте, что только въ праведности, въ праведныхъ мысляхъ и въ праведныхъ поступкахъ можете вы найти миръ для душъ вашихъ. Можетъ ли быть эта темная оргія угодной для богини истины? И вы ли— поклонники истины, вы, которые пьяны виномъ и страстью здѣсь передъ лицомъ открытаго неба? Вы, съ мрачными словами беззаконія на устахъ, съ безумными пѣснями и постыдными мы-

слями въ сердцахъ, готовые ринуться на всякое безуміе? Нѣтъ, да не будетъ того! Падите на колѣни, воздѣньте руки къ небесамъ и молитесь благому духу Царицы Мудрости, которая парить надъ вами на широко раскрытыхъ крыльяхъ любви, чтобы она простила вамъ грѣхи ваши и помогла вамъ. Слушайте меня! Я буду молиться ей, ибо я вижу ее во всемъ ея чистомъ сіяніи. Повторяйте за мной молитву и она навѣрно услышитъ васъ, ибо она не перестаетъ любить, и тогда...

Внезапный взрывъ звуковъ, громкій хоръ поющихъ голосовъ заглушилъ мой голосъ. Жрецы запѣли громкій торжествующій гимнъ. Народъ, потрясенный моими словами, началъ во множествѣ падать на колѣни. Взволнованные звуками гимна, они присоединили къ нему и свои голоса, и звуки нарастали, ширились и величественно поднимались къ небесамъ. Знакомое мнѣ благоуханіе густымъ облакомъ окружило меня. Я хотѣлъ отвернуться отъ него, но оно уже возымѣло свое дѣйствіе, я почувствовалъ какъ закружилась моя голова.

— Онъ въ экстазѣ,—сказалъ Камень Бака;—онъ сошелъ съ ума,—произнесъ другой голосъ, голосъ до того холодный и до того разъяренный, что я едва узналъ его. Но я былъ твердо увѣренъ, что эти слова произнесъ Агмадъ.

Я хотѣлъ отвѣчать ему, ибо свѣтлая сила вдохновляла меня во всемъ, что я дѣлалъ и говорилъ, и я болѣе не зналъ страха. Но одуряющіе пары сдѣлали свое дѣло. Я не могъ произнести ни слова, голова моя отяжелѣла. Еще мгновение и я уже спалъ.

Глава VI.

Когда я проснулся, я увидалъ себя въ моей старой комнатѣ, въ храмѣ; въ той самой, гдѣ меня терзали мои дѣтскіе страхи.

Я чувствовалъ себя чрезвычайно усталымъ; до того усталымъ, что первымъ моимъ ощущеніемъ было чувство невыносимаго утомленія, отъ котораго оцѣпенѣло все мое тѣло. Я продолжалъ лежать, сознавая только одно это тяжелое ощущеніе.

А затѣмъ, внезапно, событія предыдущаго дня вспыхнули въ моей памяти. Это было подобно восхожденію солнца. Я снова нашелъ ее, мою Царицу и Мать, и она снова взяла меня подъ свое покровительство.

Я всталъ, совершенно забывъ и боль, и усталость. Начиная разсвѣтъ и черезъ высокія окна прокрадывался блѣдный свѣтъ въ мою комнату. Она сверкала богатыми тканями и золотыми вышивками; была полна рѣдкими и прекрасными вещами, которыя придавали ей царственный видъ. Отъ той комнаты, которую въ мои дѣтскіе годы убирали цвѣтами, осталось одно только внѣшнее очертаніе и высоко пробитое въ стѣнѣ окно.

Воздухъ показался мнѣ очень тяжелымъ и я жаждалъ выйти наружу, на росистую свѣжесть ранняго утра. Я жаждалъ обновленія, мнѣ хотѣлось вернуть силы своей юности. А здѣсь эта насыщенная благоуханіемъ атмосфера, эти тяжелыя драпировки и вся эта роскошь давили меня.

Я приподнял занавѣсъ и вступилъ въ большую комнату рядомъ съ моей. Она была пуста и безмолвна; также пустъ былъ и широкій корридоръ. Я пошелъ потихоньку по длиннымъ переходамъ, пока не очутился передъ рѣшетчатой дверью въ садъ. Когда я подходилъ къ ней, я уже издали видѣлъ сквозь прозрачную рѣшетку свѣжую зелень сада. Ахъ, этотъ прекрасный садъ! Если бы снова выкупаться въ свѣжей водѣ того водоема! Но желѣзная дверь была крѣпко заперта; я могъ только смотрѣть сквозь ея рѣшетку на траву, и небеса, и цвѣты, и упиваться свѣжимъ воздухомъ, доносившимся до меня изъ-за рѣшетки. Вдругъ я увидѣлъ Сэбоа, шедшаго по одной изъ садовыхъ дорожекъ. Онъ шелъ прямо къ желѣзной двери, за которою я стоялъ.

— Сэбоа!—воскликнулъ я.

— А! это ты здѣсь,—сказалъ онъ своимъ суровымъ голосомъ.—Взрослый человѣкъ и дитя всегда сходны, но Сэбоа не можетъ быть болѣе твоимъ другомъ. Я потерпѣлъ неудачу и не хочу пробовать снова. Я разсердилъ обоихъ своихъ повелителей, когда ты былъ маленькій. Я не могъ удержать тебя для обоихъ. Да будетъ такъ; теперь ты долженъ стоять одинъ.

— Не можешь ли ты открыть рѣшетку?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—и я сомнѣваюсь, чтобы она когданибудь раскрылась для тебя снова. И что изъ этого? Развѣ не ты—избранный жрецъ храма? Любимецъ, лелѣемый всѣми?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—это уже прошло. Они называютъ меня безумнымъ. И сегодня они повторяютъ то же самое.

Сэбоа посмотрѣлъ на меня очень внимательно.

— Они убьютъ тебя,—сказалъ онъ тихимъ голосомъ, звучащимъ нѣжностью и состраданіемъ.

— Они не могутъ,—отвѣтилъ я, улыбаясь,— моя Владычица охранить меня. Я долженъ жить, пока не выскажу всѣхъ ея желаній, а затѣмъ—мнѣ все равно.

Сэбоа приподнялъ руку, которая до этого была скрыта въ складкахъ его черной одежды. Онъ держалъ въ ней бутонъ Бѣлаго Лотоса съ однимъ зеленымъ листомъ.

— Возьми его, — сказала онъ, — этотъ цвѣтокъ для тебя. Онъ говоритъ языкомъ, который будетъ для тебя понятенъ. Возьми его, и да будетъ съ тобой благо. Я могу говорить только простымъ языкомъ, но я достоинъ стать вѣстникомъ; и это меня радуетъ. Но твоя радость иная, ибо ты можешь слышать и говорить, учить и наставлять.

Вслѣдъ затѣмъ онъ ушелъ. Разговаривая со мной, онъ просунулъ цвѣтокъ черезъ узкое отверстіе рѣшетки. Я осторожно притянулъ его къ себѣ, я держалъ его въ рукахъ и былъ доволенъ. Мнѣ не нужно было ничего другого.

Я пошелъ назадъ въ свою комнату и сѣлъ, держа передъ собой цвѣтокъ. Повторилось то же самое, что было много лѣтъ назадъ, когда я ребенкомъ сидѣлъ въ этой самой комнатѣ, держалъ въ рукахъ цвѣтокъ Лотоса и смотрѣлъ въ его сердцевину. У меня былъ другъ, былъ руководитель, была связь съ моею невидимой благой Матерью. Но теперь я зналъ настоящую цѣну тому, что было въ моихъ рукахъ. Тогда я ее не зналъ. Неужели возможно, чтобы мое сокровище было снова отнято у меня? Конечно, нѣтъ.

Ибо теперь я могъ понимать его языкъ. Тогда онъ говорилъ мнѣ только о своей красотѣ; теперь онъ открылъ мнѣ глаза и я увидѣлъ; онъ отверзъ мои уши и я услышалъ.

Я находился внутри круга; такого, какой замыкалъ меня тогда, когда я безсознательно училъ въ храмѣ. Меня снова окружали жрецы въ бѣлыхъ одеждахъ, какъ тогда, когда они преклоняли колѣна предо мной. Но эти не поклонялись мнѣ; они стояли и смотрѣли на меня глазами любви и глубокой жалости. Нѣкоторые изъ нихъ были пожилые, статные и сильные; нѣкоторые были молоды и стройны, съ лицами, сіявшими свѣтомъ зари. Я смотрѣлъ вокругъ со страхомъ, дрожа отъ полноты радостнаго ожиданія.

Я зналъ безъ словъ, *какое* братство окружало меня. То были мои предшественники, истинные жрецы святилища, ясновидцы, избранные слуги моей Владычицы. Я зналъ, что они смѣняли одинъ другого, свято охраняя Святая Святыхъ съ того

времени, какъ оно было высѣчено въ большой скалѣ, на которой покоился храмъ.

— Готовъ ли ты учиться?—сказалъ одинъ изъ нихъ, и мнѣ казалось, что самое дыханіе его доносится изъ давно забытыхъ вѣковъ.

— Я готовъ,—отвѣтилъ я и опустился на колѣни въ самомъ центрѣ необычайнаго священнаго круга. Тѣло мое преклонялось, но духъ мой, казалось мнѣ, парилъ въ высотѣ. Хотя я стоялъ на колѣняхъ, я зналъ, что душа моя была принята, какъ равная, тѣми, которые окружали меня. Съ этихъ поръ они были мои братья.

— Сядь сюда,—сказалъ онъ, указывая на мое ложе,—я буду говорить съ тобой.

Я всталъ и, подходя къ своему ложу, увидалъ, что остался одинъ съ тѣмъ, который заговорилъ со мной. Остальные покинули насъ. Онъ подошелъ, сѣлъ рядомъ со мной и началъ говорить. Онъ вливалъ въ мое сердце мудрость истекшихъ вѣковъ; мудрость, которая живетъ вѣчно и остается юной даже тогда, когда самое воспоминаніе объ ея ученикахъ стерлось безъ слѣда. Мое сердце расцвѣтало отъ чудной свѣжести тѣхъ древнихъ истинъ.

Весь тотъ день онъ просидѣлъ рядомъ со мной, уча меня. Когда спустилась ночь, онъ притронулся къ моему челу и покинулъ меня. Когда я легъ, чтобы заснуть, я вспомнилъ, что со вчерашняго дня не видѣлъ никого, кромѣ моего Учителя и не принималъ никакой пищи. И все же я не чувствовалъ себя утомленнымъ и не испытывалъ никакой слабости. Я положилъ рядомъ съ собой цвѣтокъ и спокойно заснулъ.

Когда я проснулся, первой моей мыслью было, что кто-то трогаетъ мой цвѣтокъ. Но я былъ одинъ и мое сокровище было цѣло. Около тяжелаго занавѣса, который отдѣлялъ мою комнату отъ слѣдующей, стоялъ столъ; на столѣ я увидѣлъ ѣду, молоко, пирожки. Весь предшествующій день я совѣмъ не ѣлъ и радъ былъ пищѣ. Я прикрѣпилъ цвѣтокъ къ своей одеждѣ и подошелъ къ столу. Я выпилъ молоко и сѣлъ пирожки, а затѣмъ, почувствовавъ новую силу, направился къ своему ложу, намѣреваясь серьезно углубиться въ то, что слышалъ вчера, ибо я зналъ, что то были золотыя сѣмена, которыя должны разрастись въ великіе плоды. Но не дойдя еще до мѣста, я остановился и мое сердце запыло, ибо я снова былъ внутри прекраснаго круга. Тотъ, который училъ меня наканунѣ, смотрѣлъ на меня и улы

бался, но не говорилъ ни слова. Другой приблизился ко мнѣ, взялъ за руку и когда мы подошли къ моему ложу, оказалось, что насъ только двое, остальные исчезли.

Я былъ съ нимъ одинъ, но для того, чтобы никогда болѣе не оставаться одному. Онъ взялъ мое сердце и душу и показалъ мнѣ ихъ обнаженными, не смягченными никакими покровами воображаемой святости. Онъ взялъ мое прошлое и показалъ его во всей его простой, темной, некрасивой нищетѣ, то прошлое, которое могло бы быть столь безмѣрно богатымъ. И мнѣ казалось, что я жилъ до этой минуты безсознательно; нынѣ же я былъ проведенъ черезъ свою собственную жизнь снова, и мнѣ было сказано, чтобы я рассмотрѣлъ ее зрячими очами. Мѣста, черезъ которыя я проходилъ, были темныя и печальныя, нѣкоторыя изъ нихъ были полны ужасовъ. Ибо теперь я понялъ, что былъ въ рабствѣ у той же магической силы, которую мнѣ было поручено объяснять Камень-Бака. Подобно всѣмъ остальнымъ, я жилъ лишь для своихъ страстей и ихъ удовлетворенія. Погруженный въ радости переживаемыхъ наслажденій, я былъ такъ опьяненъ, что не сознавалъ всего, что дѣлалъ. Обозрѣвая свое прошлое, я понялъ значеніе словъ Сэбоа, которыя въ то время оставались для меня непонятыми. Я въ самомъ дѣлѣ былъ любимцемъ храма, ибо когда тѣло мое отдавалось наслажденіямъ, — мои уста и мой голосъ становились покорными волѣ той страшной владычицы храма. Съ помощью моего физическаго проводника, она давала знать о своихъ желаніяхъ и пріобрѣтала тѣхъ рабовъ, которые продали свою душу за радости плотскихъ удовлетвореній. Благодаря ея страшному прозрѣнію въ темныя тайники человѣческихъ душъ, она узнавала ихъ потребности и черезъ меня научала ихъ, какъ достать то, къ чему стремилась ихъ душа. Когда передо мной проносились видѣнія моего прошлаго и я смотрѣлъ на нихъ, потрясенный всѣмъ существомъ, я увидалъ себя почти ребенкомъ въ томъ же храмѣ и увидалъ, какъ убаюкивали мою тревогу и страхъ при помощи различныхъ наслажденій. Затѣмъ я увидалъ себя во внутреннемъ святилищѣ храма беспомощнымъ существомъ, игрушкой или инструментомъ, на которомъ безжалостно играла чужая воля. А затѣмъ я увидалъ себя сильнымъ и прекраснымъ юношей, лежащимъ безъ сознанія на палубѣ священной барки, который вдругъ поднимается въ припадкѣ безумнаго наитія и произноситъ страшныя рѣчи. Я увидалъ себя позднѣе блѣднымъ и слабымъ, но все еще добровольнымъ орудіемъ, хотя душа начала уже пробу-

ждаться и одолевать тѣло въ начавшейся борьбѣ, а теперь я видѣлъ свою душу, вполне пробужденную, соприкоснувшейся съ своей Матерью, Владычицей Свѣта, которую отнынѣ уже нельзя было привести къ молчанію.

Снова спустилась ночь и мой Учитель покинулъ меня. И никто больше не входилъ въ мою комнату, никто не принесъ мнѣ пищи съ самаго утра. Я ослабѣлъ отъ пронесившихся предо мной ужасныхъ видѣній и рѣшилъ пойти на поиски за пищей. Я поднялъ тяжелыя складки занавѣса, отдѣлявшаго меня отъ слѣдующей комнаты. Но за занавѣсомъ оказалась тяжелая дверь, какія бывають въ тюрьмахъ. И тогда я понялъ, что рѣшено сдѣлать изъ меня узника и лишить пищи. Агмадъ узналъ, что духъ мой пробудился. Онъ рѣшилъ убить его во мнѣ и сохранить полуразбитое тѣло для своихъ цѣлей. Я легъ на свое ложе и очень скоро заснулъ, прижимая цвѣтокъ къ своимъ губамъ.

Когда же я проснулся, рядомъ со мной стоялъ тотъ, котораго я призналъ за своего новаго Учителя. Онъ улыбался, когда я обводилъ глазами замыкавшій меня прекрасный кругъ. Я вскопчилъ съ чувствомъ великой радости. Я искалъ ободренія у него. Онъ посадилъ меня рядомъ съ собой и взялъ мою руку въ свои.

И тогда я узналъ, что въ его улыбкѣ былъ свѣтъ великаго мира. Онъ когда-то умеръ въ этой самой комнатѣ—умеръ за истину. Онъ называлъ меня братомъ и вдругъ я ясно понялъ, что розы этой моей жизни отцвѣли и опали, что они умерли навсегда. Отнынѣ я долженъ былъ жить въ свѣтѣ чистаго духа для одной Истины, и никакое страданіе не могло испугать меня, ибо съ того момента, когда его рука прикоснулась къ моей, я зналъ, что самая возможность страха покинула меня навсегда. До тѣхъ поръ страданіе ослѣпляло меня ужасомъ, но теперь я зналъ, что могу встрѣтить его и схватить сильными руками, сохраняя внутреннее спокойствіе.

Въ эту ночь мой сонъ перешелъ въ экстазъ; я не зналъ—сплю я или бодрствую; но я зналъ, что этотъ мой братъ, физическая жизнь котораго была силою оторвана отъ него въ давно прошедшіе вѣка, что онъ влилъ силу своей огненной души въ мою душу и что я не могу уже утратить ее никогда.

Г л а в а VII.

На слѣдующее утро, когда я открылъ глаза, моя постель была окружена тѣми же прекрасными Существомъ. Ихъ взглядъ,

устремленный на меня, быть очень серьезень; я не видѣлъ даже проблеска улыбки на лицахъ ихъ; но безграничная нѣжность, которая исходила отъ нихъ, давала мнѣ силу. Я всталъ и преклонилъ колѣни около своего ложа, ибо я почувствовалъ, что великій мигъ приближается.

Самый молодой и самый свѣтлый изъ нихъ отдѣлился отъ круга и подошелъ ко мнѣ. Онъ склонилъ колѣни рядомъ со мной и сжалъ мои руки, вложивъ въ нихъ увядающій цвѣтокъ лотоса, который лежалъ на моей подушкѣ.

Я поднялъ глаза — остальныхъ уже не было въ моей комнатѣ. Тогда я взглянулъ на моего прекраснаго товарища. Онъ продолжалъ молчать, но глаза его были устремлены на меня. Какъ молодъ онъ былъ и какъ прекрасенъ! Земля не оставила никакого слѣда на его духѣ. Я зналъ, что на моемъ должны остаться пятна, пока съ теченіемъ вѣковъ мнѣ не удастся отмыть ихъ вполнѣ. И тогда я почувствовалъ страхъ передъ склонившимся ко мнѣ, до того онъ былъ чистъ и безпороченъ.

„Погоди, не смотри“, шепнуть онъ.

Мы оба оставались въ безмолвіи, но вдругъ нѣжный голосъ заговорилъ совѣмъ близко отъ меня.

„Двѣ вечернія звѣзды, звѣзды-близнецы, ты послѣдній изъ длиннаго ряда ясновидцевъ, которые создали мудрость храма и увѣнчали величіе Египта неувядаемой славой! Ночь приближается, тьма должна опуститься и скрыть отъ земли красоту небесъ. Но истина должна остаться у моего народа, у темныхъ дѣтей земли. И теперь твоя очередь оставить за собой зажженный факель, дать повѣсть, неизгладимую для всѣхъ, которая будетъ читаться и вызывать изумленіе втеченіе всѣхъ предстоящихъ вѣковъ. Повѣсть твоей жизни и той истины, которая вдохновляла тебя, перейдетъ къ другимъ расамъ, въ другія части темной земли, къ народу, который лишь слышалъ, что есть свѣтъ, но который не видѣлъ его никогда. Будь силенъ, ибо твоя задача не легка. Ты же, мое дитя съ бѣлоснѣжной душой, ты не имѣлъ силъ бороться въ одиночествѣ съ растущей тьмой; нынѣ же передай твою вѣру и твою чистоту тому, чьи крылья загрязнены прахомъ земли, но который отъ этого темнаго прикосновенія собралъ много силъ для предстоящей битвы. Сражаясь до конца за свою Владычицу, этотъ сильный обратится съ рѣчью къ моему народу и передастъ ему истину. Скажи имъ, что душа благословенна, пока они не погружать се въ униженіе; скажи имъ что свобода и тишина существуютъ для всѣхъ, кто рѣшилъ осво-

бодить себя отъ желанія; скажи имъ, чтобы они уповали на меня и находили покой въ моей любви. Скажи имъ, что въ каждой человѣческой душѣ есть цвѣтокъ лотоса и что онъ широко раскрывается подъ лучами свѣта, если они не отравятъ его корней; скажи имъ, чтобы они жили въ невинности и искали правды, тогда я приду и останусь съ ними и покажу имъ путь въ то мѣсто, гдѣ все — красота, и гдѣ всѣ находятъ удовлетвореніе. Скажи имъ, что я люблю моихъ дѣтей и хотѣла бы придти и пребывать въ ихъ домахъ и принести имъ то довольство, которое выше всѣхъ богатствъ міра—да, придти къ самымъ очагамъ ихъ на этой землѣ. И скажи имъ объ этомъ голосомъ громкимъ и властнымъ, чтобы они поняли до конца. Спаси тѣхъ, которые захотятъ слушать и сдѣлай мой храмъ снова обителью Духа Истины. Храмъ долженъ пасть, но онъ не долженъ пасть въ беззаконіи. Египетъ долженъ угаснуть, но онъ не долженъ угаснуть въ невѣдѣніи; онъ долженъ услышать голосъ, который нельзя забыть; и слова, произнесенныя этимъ голосомъ, станутъ сокровеннымъ наслѣдіемъ вѣковъ и будутъ снова произнесены подъ другими небесами, гдѣ они возвѣстятъ зарю, которая пробьется наконецъ сквозь долгую, долгую тьму. Ты же, младшій изъ всѣхъ моихъ дѣтей, ты, въ которомъ соединилась сила и слабость, будь готовъ! Борьба приближается. Не отступай. Помни, что ты долженъ научить народъ. Не бойся, что мудрость покинетъ тебя. Я, которая есть сама мудрость, буду говорить твоими устами. Я не отойду отъ тебя и буду съ тобой. Взгляни на меня и соберись съ силами“.

Я поднялъ глаза, и когда я ихъ поднималъ, я почувствовалъ пожатіе руки того, кто стоялъ колѣнопреклоненный рядомъ со мной. Я понялъ, что онъ хотѣлъ дать мнѣ силу взглянуть въ лицо той ослѣпляющей славы, которая была передо мной.

Она стояла передъ нами и я смотрѣлъ на нее, какъ цвѣтокъ смотритъ на солнце, питающее его. Я увидалъ ее безъ покрова. Прекрасная женщина, которая осушала мои дѣтскія слезы, потерялась въ божествѣ, и ея божественная слава наполнила душу мою такимъ пламенемъ, которое — казалось мнѣ — было равносильно смерти. И все же я жилъ; я видѣлъ; я понялъ.

Пер. съ англ. Е. П.

